

Новый филологический вестник

№ 2(45)
2018

Москва 2018

СОУЧРЕДИТЕЛИ

Тюменский государственный университет
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский институт)
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
С.С. Ипполитов

Новый филологический вестник

№ 2 (45) ‘ 2018

Москва
2018

COFOUNDERS

Tyumen State University
South Ural State University (National Research University)
Russian Scientific Research Institute of Cultural and
Natural Heritage named after D.S. Likhachev
Sergej Ippolitov

The New Philological Bulletin

№ 2 (45) ‘ 2018

Moscow
2018

Содержание

Теория литературы

Зарубежные литературы

Университетское образование

Contents

Theory of Literature

Narratology Studies

Russian Literature

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
Theory of Literature

А.В. Филатов (Москва)
ORCID ID: 0000-0001-6683-9376

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ТРУДАХ В.Е. ХАЛИЗЕВА:
ценностные ориентации в литературе и науке о ней

DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00011

Аннотация. В статье рассматривается место аксиологического подхода в трудах теоретика литературы В.Е. Хализева. О внимании ученого к ценностной проблематике свидетельствуют его монографии «Ценностная ориентация русской классики» и «Теория литературы». В последней в литературоведческий дискурс вводится понятие «ценность», а также связанные с ним термины «аксиосфера» и «ценностная ориентация». На основе термина «ценностная ориентация» Хализев создает типологию литературных сверхтипов (авантюрно-героический, житийно-идиллический и отрицательный). Персонажи первого сверхтипа инициативны и деятельны, они активно борются с трудностями и стремятся к своим целям. Представители второго сверхтипа характеризуются твердыми нравственными установками, спокойствием и доброжелательностью и предпочитают находиться в стороне от превратностей жизни. У персонажей отрицательного сверхтипа нет высоких ценностных установок, поэтому они, как правило, не являются положительными героями. Соответствующие этим трем типам ценностные ориентации обнаруживаются Хализевым в отечественном литературоведении XX в., в котором он выделяет направленческую и вненаправленческую ветви, а также говорит о далеком от науки «казенном советском литературоведении». Автор статьи находит данные ценностные ориентации в теории парадигм художественности В.И. Тюпы, в частности, в авангардистской, соцреалистической и неотрадиционалистской субпарадигмах постсимволизма. Это доказывает универсальный статус выделенных ценностных ориентаций и возможность их применения как в анализе художественного текста и литературного процесса, так и в изучении истории и методологии науки.

Ключевые слова: В.Е. Хализев; аксиология; аксиологический подход; ценностные ориентации; литературные сверхтипы; ценность; теория литературы; история литературоведения; В.И. Тюпа; парадигма художественности

A.V. Filatov (Moscow)
ORCID ID: 0000-0001-6683-9376

The Axiological Approach in V.E. Khalizev’s Works: Value Orientations in Literature and Literary Criticism

DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00011

Abstract. The paper considers the place of axiological approach in the works of literary scholar V.E. Khalizev. His monographs “Value System of Russian Classics” and “Theory of Literature” provide evidence for the scholar’s attention to the value problems. In “Theory of Literature”, the notion of “value” is introduced into literary discourse, as well as the terms “axiosphere” and “value orientation” associated with it. On the ground of the term “value orientation” Khalizev creates a typology of literary supertypes (adventurous-heroic, hagiographic-idyllic and negative ones). The characters of the first supertype are initiative and energetic, they actively struggle with difficulties and strive for their goals. The representatives of the second supertype are characterized by firm moral attitudes, composure and goodwill, and prefer to avoid the vicissitudes of life. The characters of the negative supertype do not have any high values, so they are usually not positive ones. Khalizev reveals the value orientations that corresponded to the above-mentoned three types in the Russian literary criticism of the 20th century, where he discriminates directional and non-directional branches, and also speaks of “officious Soviet literary criticism”, which was far from true scholarship. The author of this paper finds these value orientations in V.I. Tiupa’s theory of paradigms of literariness, in particular, in the avant-garde, social realistic and neotraditionalistic subparadigms of post-symbolism. It proves the universal status of the identified value orientations and their applicability for the analysis of a literary text and literary process, as well as for the study of the history and methodology of literary criticism.

Key words: V.E. Khalizev; axiology; axiological approach; value orientations; literary supertypes; value; literary criticism; history of literary criticism; V.I. Tyupa; paradigm of literariness.

Внимание В.Е. Хализева к ценностной проблематике составляет важный аспект в сфере его преподавательских и исследовательских интересов. В пользу этого говорит название авторского спецкурса «Аксиология и литературоведение» [Кормилов 2010, 167], а также монография «Ценностные ориентации русской классики» (2005) – главная историко-литературная книга Хализева [Кормилов, Мартьянова 2015, 122], которую сам ученый определяет во введении как «опыт сопряжения <…> литературоведения с аксиологией» [Хализев 2005, 8]. В работу вошли статьи, создававшиеся с 1977 по 2005 гг., из чего следует, что вопросы ценностей более четверти века составляли отдельную тему исследований литературоведа.

Однако главный вклад в разработку аксиологического подхода представлен в другом фундаментальном труде Хализева – классическом вузовском учебнике «Теория литературы» [Хализев, 1999], выдержавшем 6 изданий (далее в статье ссылки на этот учебник даются в круглых скобках с указанием номеров издания и страниц). Именно в нем ученый одним из первых включил в литературоведческий дискурс «ряд понятий и терминов, которые отсутствуют в имеющихся пособиях» (1, 11). В частности, таковыми являются понятия «ценность» (1, 79), «ценностная ориентация» (1, 160–161) и «аксиосфера» (3, 34), заимствованные из философии и социологии, а также разработанная Хализевым типология ценностей (онтологических, витальных, локальных, универсальных и т.д.).

К ценностному аспекту литературы автор также обращается в разделах, посвященных категории эстетического, классической и новой мифо-

логии, типам авторской эмоциональности и типологии персонажей. Поэтому вполне закономерны слова О.Р. Темиршиной, которая, проанализировав все «варианты» учебника, приходит к выводу: «Подход к литературе с ценностной позиции – это незыблемый фундамент всех изданий “Теории литературы”» [Темиршина 2015, 92].

Рассмотрим более подробно использование литературоведом термина «ценностная ориентация», чаще всего звучащего в параграфах о персонаже. Введенный в научный оборот американскими социологами в 20-е гг. XX в. [Аванесова 1998, 343], со временем он стал исследоваться в рамках других научных дисциплин (философии, психологии и педагогики, антропологии, культурологи) и приобрел статус общегуманитарного. Хализев сохраняет междисциплинарную дефиницию «ценностной ориентации», определяя ее в качестве «устойчивого стержня сознания и поведения людей» (1, 160). В то же время ученый подчеркивает укорененность этого явления в отечественной науке, находя близкие по смыслу понятия у М.М. Бахтина (ядро личности) и А.А. Ухтомского (доминанта).

На основании двух магистральных ценностных ориентаций Хализев разрабатывает концепцию литературных «сверхтипов». Он выделяет *авантюрно-героический* сверхтип, реализующийся в инициативных и деятельных персонажах, которые «стремятся к славе, жаждут быть любимыми <…> склонны активно участвовать в смене жизненных положений, бороться, достигать, побеждать» (1, 162). При этом спектр конкретных вариантов реализации данного сверхтипа предельно широк: от избранника до самозванца, от служения народу и обществу до эгоистически своевольного самоутверждения. Сюда включаются боги древних мифов и герои народного эпоса, авантюристы, романтические бунтари и скитальцы, а также вообще романтически настроенные натуры, уверенные в своей уникальности и избранности (например, Вертер у И.В. Гете и Ленский у А.С. Пушкина, герои О. Бальзака и Стендаля). В последнем случае Хализев констатирует культурно-историческую кризисность и исчерпанность данного сверхтипа в романтической и постромантической литературе, поскольку идеалы и ценности таких героев оказываются дискредитированы.

Противоположный сверхтип получает название *житийно-идиллического*. Его реализации Хализев находит в средневековых житиях и произведениях, наследующих житийную традицию. В русской литературе этот сверхтип представлен Татьяной Лариной, Максимом Максимычем, Алешей Карамазовым и многими другими героями классических произведений. Такие герои «в пору испытаний способны проявить стойкость, уйдя от искусов и тупиков отчаяния <…> продолжают пребывать в мире аксиом и непререкаемых истин, а не глубинных сомнений и неразрешимых проблем <…> Здесь наличествуют *твердые* установки сознания и поведения: то, что принято называть верностью нравственным устоям» (1, 165). Кроме того, представители данного сверхтипа «открыты миру окружающих, способны любить и быть доброжелательными к *каждому* другому» (1, 165). Истоками этого сверхтипа, по Хализеву, являются персонажи античного

мифа Филемон и Бавкида, поскольку это «миф не о богах, а о людях, о человеческом в человеке» (1, 166).

Рассматривая две надэпохальных общности на материале мировой классики, ученый обнаруживает определенную тенденцию развития литературы: «От позитивного освещения авантюрно-героических ориентаций к их критической подаче и ко все более ясному разумению и образному воплощению ценностей житийно-идиллических» (1, 167). Проявление этой тенденции Хализев находит в творческой эволюции Пушкина, прошедшего путь от романтических поэм «Кавказский пленник» и «Цыганы» к «Повестям Белкина» и «Капитанской дочке». Заметим, что во многом эта точка зрения перекликается с бахтинской концепцией полифонического романа. По Бахтину, диалогичность романов Ф.М. Достоевского обусловлена тем, что они строятся «не как целое одного сознания, объективно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействия нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого» [Бахтин 2000, 25]. Это требование включает в себя открытость сознания окружающему миру, его устремленность к другому, о которых пишет Хализев, говоря о житийно-идиллическом сверхтипе. В таком случае духовная самодостаточность или эгоизм авантюрно-героического героя, напротив, являются чертами монологического сознания.

По словам ученого, в развитии своей концепции он идет вслед за Бахтиным и Е.М. Мелетинским, однако оказывается ближе все-таки к первому из них, поскольку акцентирует приоритетность именно ценностного содержания персонажа, его поступков и мыслей, а уже потом говорит о моделях поведения, закрепленных жанровыми традициями. Мелетинский, напротив, исходит в своих работах из понятия литературных архетипов – «тех постоянных сюжетных элементов, которые составили единицы некоего “сюжетного языка” мировой литературы» [Мелетинский 1994, 5]. Здесь бóльшую роль играет связь героев с мифами, литературными и фольклорными жанрами, а не их собственные мировоззренческие установки.

Хализев также выделяет третий, «отрицательный» сверхтип, представители которого не являются носителями каких-либо ценностных ориентаций, а предстают «воплощениями безусловно отрицательных черт (т. е. антигероями – *А.Ф.*) либо средоточием попранной, подавленной, несостоявшейся человечности» (1, 167). Среди вариантов этого сверхтипа ученый называет древнегреческого Сизифа, Акакия Акакиевича Башмачкина, Аркадия Свидригайлова, чеховского Ионыча и т.д.

Таким образом, между сформулированными Хализевым группами персонажей и конкретными ценностными ориентациями отсутствует полная симметрия. Представители отрицательного сверхтипа, в отличие от двух других, не имеют устойчивых ценностных установок, достойных человека. Кроме того, выделенные литературные общности различны по своему объему. Например, сам автор типологии не скрывает, что и авантюрно-героические, и отрицательные сверхтипы вбирают в себя персонажей, противоположных по своим нравственным ориентирам, оценке автора

или реакции читателя: герой первого сверхтипа может быть как положительным (Тарас Бульба), так и отрицательным, «демоническим» (Николай Ставрогин); второго – не имеющим высоких ценностей, но вызывающим сочувствие (Башмачкин) или осуждение (Ионыч, «подпольный человек» Достоевского). В отличие от них житийно-идиллический сверхтип выглядит более однородным. В нем нельзя выделить антигероический элемент, все принадлежащие ему персонажи являются носителями нравственных ценностей. В подобном умышленном аксиологическом «укрупнении» конкретного сверхтипа просматриваются личные симпатии ученого к ценностям данной ориентации. Это проявляется не только в теоретических построениях литературоведа, но и в историко-литературных работах. Как замечают С.И. Кормилов и С.А. Мартьянова, Хализев «акцентирует в произведениях русской классики одну из ее особенностей – критику доктринерства и догматизма, претензии на исчерпывающее представление об истине. <…> Это то, что ученый очень ценит не только в литературе, но и в жизни, научном творчестве и общении» [Кормилов, Мартьянова 2015, 133–134]. О.Н. Никандрова и А.А. Холиков, ученики и соавторы Хализева, подтверждают данное положение, обращаясь к анализу философского аспекта его научных работ, в центре которых оказывается «личность, наделенная чувством гармонии с миром, вниманием к другому человеку, имеющая непосредственное отношение к традиционным ценностям и культуре, осознающая свою ответственность перед близкой реальностью и внутренне свободная» [Никандрова, Холиков 2015, 107–108].

Заметим, что впоследствии Хализев корректирует свою мысль, «примиряет» два противоположных сверхтипа в их значении для истории литературы. Четвертое издание учебника дополняет концепцию наблюдением, что «в героях романных жанров (особенно в близкие нам эпохи) часто сосуществуют, переплетаются и конфликтно сталкиваются черты обоих рассмотренных “сверхтипов”» (4, 191).

Согласимся [Кормилов, Мартьянова 2015, 131], что предложенная аксиологическая типология персонажей не может считаться исчерпывающей. Впрочем, сам автор не претендовал на это, говоря, что выделенные им сверхтипы описывают персонажную сферу литературного произведения лишь «в самых приблизительных очертаниях» (1, 169). Намного важнее другое: для Хализева сфера применения выделенных ценностных ориентаций не ограничивается художественным миром произведения.

Так, в русле житийно-идиллической, «диалогической» ценностной ориентации находится методическая установка Хализева, которую он назвал «координирующей». Во введении «Теории литературы» сказано: «В книге сопоставляются и анализируются разные, порой между собой несовместимые научные идеи и концепции. Системность и логическая упорядоченность в соединении с антидогматичностью и диалогической открытостью – вот к чему стремился приблизиться автор. Подобная стратегия, хочется надеяться, в состоянии способствовать свободному самоопределению формирующихся литературоведов» (1, 12).

«Координирующая» установка тесно связана с научной традицией, отрицающей методологический монизм и предпочитающей многообразие подходов к литературе. Эта традиция названа Хализевым «вненаправленческой» (в его работах также встречаются близкие по смыслу понятия «традиционалистский подход», «персоналистская ветвь») и восходит к трудам Александра Н. Веселовского, который выступал за плюрализм научных методологий, поскольку каждый конкретный метод, по мнению ученого, имеет свои границы применения. В XX в. эта традиция продолжалась в работах В.М. Жирмунского, А.П. Скафтымова, Д.Е. Максимова, М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачева, А.П. Чудакова, С.Г. Бочарова и др. Здесь аксиологический подход, по сути, выходит за сферу собственно теории литературы в область истории литературоведения и методологии. Направленческие и вненаправленческие концепции складываются на основе ценностных ориентаций ученых. По Хализеву, «вненаправленцы» «в большей мере опираются друг на друга, нежели враждуют между собою» (1, 10), т.е. явно разделяют аксиологические установки житийно-идиллического сверхтипа. Как считает ученый, эта традиция, к которой он, безусловно, принадлежит и сам, составляет «ценностную вершину отечественной науки истекшего столетия» (5, 27).

Однако противопоставление двух научно-мировоззренческих тенденций внутри русского литературоведения оказывается более сложным. Кратко обозначенное в «Теории литературы», оно более подробно анализируется в книге «Русское академическое литературоведение: История и методология (1900 – 1960-е годы)» (2015; 2-е изд. – 2017), написанной Хализевым в соавторстве со своими младшими коллегами.

Рассматривая деятельность ученых-«направленцев» (представителей марксистского литературоведения, формализма, структурализма), авторы обнаруживают общее в их методологии и мировоззрении. Во-первых, это преимущественно негативное отношение к научному и культурно-историческому прошлому и абсолютизация своего метода: «Собственные концепции мыслились учеными подобной ориентации как впервые открывающие надежные пути к торжеству подлинной науки, которой раньше будто бы не существовало. Это был своего рода авангардизм: сделаем все наново, “отречемся от старого мира!”» [Хализев, Холиков, Никандрова 2015, 131]. Во-вторых, в связи с этим в научных школах неприятие любой «ина́ковости» соседствовало с «утопической, нередко притом и революционной настроенностью» [Хализев, Холиков, Никандрова 2015, 133]. В-третьих, часто делались беспочвенные обобщения, вызванные скорее теоретико-методологическими предустановками, чем выводами, основанными на анализе эмпирического материала. В-четвертых, «склонности <…> к редуцированию своего предмета сопутствовало расширение значений опорных терминов» [Хализев, Холиков, Никандрова 2015, 137], таких как «прием» и «автоматизация» – у формалистов, «идейность» и «социальность» – у марксистов, «знак» и «текст» – у структуралистов. Редукция же проявлялась в том, что, с одной стороны, были методы, стремившиеся

к точности и объективности естественных наук и в той или иной степени нивелирующие содержательную сторону художественных произведений (так, формалисты и структуралисты были сосредоточены на проблемах поэтики). С другой стороны, редукция наличествовала в догматическом литературоведении марксистской ориентации, где «изучались по преимуществу социально обусловленные характеры героев, но оставались в стороне индивидуальные черты изображаемых писателем лиц, их нравственная ориентация и, в особенности, все то, что связанно с религиозностью» [Хализев, Холиков, Никандрова 2015, 135–136]. Наконец, в-пятых, зачастую происходила деперсонализация литературы, минимально учитывалось авторское начало и ценностный взгляд автора на мир.

Таким образом, можно увидеть, что направленческие концепции в ценностном отношении близки авантюрно-героическому сверхтипу, точнее его исторически поздней, романтической разновидности, переживающей, по Хализеву, кризис в классической литературе. Неслучайно максимализм и принципиальность монистических теорий тоже оцениваются ученым как проявления методологического кризиса.

И все же тяготеющие к авангардизму направленческие теории правомерно назвать научными, поскольку они создавались на основе собственно научных предпосылок и основывались на анализе художественных произведений, пусть и сосредоточенном на определенных аспектах. Исследователи подчеркивают значимость того вклада, который академические школы внесли в науку о литературе. В то же время в литературоведении XX в. встречались и лица, которые, подобно представителям «отрицательного» сверхтипа, не имели высоких ценностных ориентаций в своей исследовательской деятельности. Их научное и методологическое мышление было конъюнктурным и определялось внеакадемическими факторами, связанными, в первую очередь, с официальной государственной идеологией. Такие люди участвовали в «проработках» неугодных советской власти писателей прошлого и настоящего, полемиках вокруг научной деятельности своих коллег, нередко заканчивавшихся репрессиями. Но гораздо трагичнее то, что эти зачастую талантливые люди (например, М.С. Григорьев [Хализев, Холиков, Никандрова 2015, 83]) отказывались от своих самостоятельных научных взглядов, становясь представителями «казенного советского литературоведения». Результаты их исследований, по сути, были известны заранее и полностью определялись идеологическими установками. В связи с этим авторы говорят о двух ипостасях марксизма в русском литературоведении – научного подхода и санкционированного государственной властью орудия гонений на науку [Хализев, Холиков, Никандрова 2015, 81]. Последнее можно назвать официозным литературоведением, скрывавшимся под формулой «марксистско-ленинского». Характерно, что у Хализева и его соавторов по книге такие «ученые» не отнесены к направленческой ветви науки о литературе, что подтверждает ценностный характер предложенной типологии научных ориентаций.

В свою очередь представители вненаправленческого литературоведения, не входившие в какие-либо научные школы и общества, объединяются на основе «близости мировоззренческих и гносеологических предпосылок» [Никандрова, Холиков 2015, 102], противоположных направленческим: это бережное и уважительное отношение к научной традиции и работам предшественников, рассмотрение художественного произведения в его многоплановости, настроенность на мирное и доброжелательное сотрудничество, диалог различных идей и концепций. Вненаправленческое литературоведение «открыто *всему и вся* в составе истории человечества и его культуры» [Хализев, Холиков, Никандрова 2015, 151]: оно междисциплинарно, направлено на осмысление формально-содержательной целостности литературных фактов и чуждо любой редукции.

Хализев находит носителей данной ценностной ориентации не только среди ученых-литературоведов, но и среди писателей и философов, которых относит к *нравственно ориентированной философии жизни* (С.А. Аскольдов, Н.С. Арсеньев, А.А. Золотарев, А.А. Ухтомский, М.М. Пришвин, А.П. Платонов и др.) [Никандрова, Холиков 2015, 105–106]. Представители этого «направления» разделяют житийно-идиллические ценности: отношение к миру как гармоничному началу, внимание к другому, высокий статус традиции, ответственность и внутреннюю свободу. Рассматривая научное творчество Хализева, Никандрова и Холиков приходят к выводу: для литературоведа «именно нравственно ориентированная философия жизни становится той мировоззренческой точкой отсчета, которая задает систему координат, определяя предпочтения в сфере гуманитарной мысли, методологические установки, выбор авторов и аспектов для историко-литературных работ» [Никандрова, Холиков 2015, 112].

В итоге выделенные Хализевым персонажные сверхтипы корреспондируют с магистральными ценностным ориентациям, которые литературовед обнаруживает в художественной и научной деятельности. Это свидетельствует об универсальном статусе данных ценностных ориентаций, представляющих собой совокупности устойчивых, культурно и исторически обусловленных аксиологических установок.

Сделанный нами вывод может быть подкреплен тем, что концепция Хализева имеет определенное типологическое сходство с теорией парадигм художественности В.И. Тюпы – «систем аксиоматических (для своего времени) общекультурных представлений о месте искусства в жизни человека и общества», которые «охватывают не только создающих, но и воспринимающих произведения искусства» [Тюпа 2008, 84]. Ученик Хализева, Тюпа выделяет в рамках постсимволистской парадигмы художественности, появившейся в XX в., три субпарадигмы: *авангардистскую* (ее ментальная особенность состоит в интерсубъектной разобщенности, «диалогическом разногласии с альтернативным сознанием другого» [Тюпа 2008, 95]), *соцреалистическую* (она реализует стратегию «политически ангажированного, пропагандистского “истолкования действительности” <…>, ориентированного на монологическое согласие <…> субъектов» [Тюпа 2008, 95]) и *неотрадиционалистскую* (направленную на солидар-

ность, принятие «позитивной ценности “другого”», «диалог согласия» и настаивающую на «почитании классической традиции как неотменимой и плодотворной почвы новаторского творчества» [Тюпа 2008, 97]). Ценностное содержание этих типов неклассической художественности корреспондирует с рассмотренными научно-методологическими ориентациями. Сам Хализев указывает на связь академических школ с авангардизмом; соцреалистическое подчинение и самоограничение соответствует деятельности ученых-функционеров, а стремление неотрадиционалистов к сотворчеству и диалогу сущностно определяет мировоззренческие установки вненаправленческого литературоведения.

Примечательно также, что Хализев пользуется введенными Тюпой понятиями. Например, термины «авангардизм» и «неотрадиционализм» встречаются на страницах всех переработанных изданий «Теории литературы» в значении литературных тенденций внутри модернизма (1, 365; 3, 403; 4, 375; 5, 394). Используются они и в более широком значении определенных ценностных ориентаций, например, в статье о категории «эстетического» Хализев замечает: «Явственно просматриваются две тенденции рассмотрения эстетического в XX веке: авангардистская и неотрадиционалистская. Первая <…> в сфере эстетики сопряжена более с ситуациями отчуждения человека от реальности, вторая <…> с ситуациями причастности и укорененности» [Хализев 1998, 111].

Подобное типологическое сходство в концепциях учителя и ученика говорит о сущностном сближении и согласии их теорий, несмотря на то, что в вопросах терминологии Хализев не скрывал своей критики (в одном из писем Тюпе он пишет: «Не весьма одобряю Ваш новый, не вполне русский научный штиль» [Хализев 2017, 80]). Такое расхождение в частностях подтверждает самостоятельность двух теорий и позволяет считать выделенные Хализевым ценностные ориентации аксиологическими универсалиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Г.А. Ценностная ориентация // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 343.

2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М., 2000. С. 7–175.

3. Кормилов С.И. Валентин Евгеньевич Хализев // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 166–168.

4. Кормилов С.И., Мартьянова С.А. В.Е. Хализев как историк литературы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 3. С. 115–138.

5. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М., 1994.

6. Никандрова О.В., Холиков А.А. Научное творчество В.Е. Хализева: философский аспект // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 3. С. 99–114.

7. Темиршина О.Р. Крупнейший вклад в теорию литературы. Шесть изданий

одного учебника // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 3. С. 90–98.

8. Тюпа В.И. Литература и ментальность. М., 2008.

9. Хализев В.Е. Письмо к В.И. Тюпе (публикация, предисловие и послесловие В.И. Тюпы) // Труды и дни. Памяти В.Е. Хализева. М., 2017. С. 77–81.

10. Хализев В.Е. Судьбы категории «эстетическое» в XX веке // Научные доклады филологического факультета МГУ. 1998. Вып. 2. С. 111–118.

11. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999.

12. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М., 2005.

13. Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы). М.; СПб., 2015.

REFERENCES
(Articles from Scientific Journals)

1. Khalizev V.E. Sud’by kategorii “esteticheskoe” v 20 veke [The Fate of the Category “Aesthetic” in the 20th Century]. *Nauchnye doklady filologicheskogo fakul’teta MGU*, 1998, no. 2, pp. 111–118. (In Russian).

2. Kormilov S.I. Valentin Evgen’evich Khalizev [Valentin Evgen’evich Khalizev]. *Vestnik Moskovskogo universiteta,* Series 9. Filologiya [Philology], 2010, no. 3, pp. 166–168. (In Russian).

3. Kormilov S.I., Mart’yanova S.A. V.E. Khalizev kak istorik literatury [V.E. Khalizev as a Literary Historian].*Vestnik Moskovskogo universiteta,* Series 9. Filologiya [Philology], 2015, no. 3, pp. 115–138. (In Russian).

4. Nikandrova O.V., Kholikov A.A. Nauchnoe tvorchestvo V.E. Khalizeva: filosofskiy aspect [V.E. Khalizev’s Scientific Work: A Philosophical Aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta,* Series 9. Filologiya [Philology], 2015, no. 3, pp. 99–114. (In Russian).

5. Temirshina O.R. Krupneyshiy vklad v teoriyu literatury. Shest’ izdaniy odnogo uchebnika [The Biggest Contribution to Literary Criticism. Six Editions of One Textbook]. *Vestnik Moskovskogo universiteta,* Series 9. Filologiya [Philology], 2015, no. 3, pp. 90–98. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Avanesova G.A. Tsennostnaya orientatsiya [Value Orientation]. *Kul’turologiya. 20 vek: entsiklopediya* [Cultural Studies. The 20th Century: Encyclopedia]: in 2 vols. Vol. 2. Saint-Petersburg, 1998, p. 343. (In Russian).

7. Bakhtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [The Problems of Dostoevsky’s Works]. *Bakhtin M.M. Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 2. Moscow, 2000, pp. 7–175. (In Russian).

8. Khalizev V.E. (author), Tyupa V.I. (pref., ed. and post.) Pis’mo k V.I. Tyupe [The Letter to V.I. Tyupa]. *Trudy i dni. Pamyati V.E. Khalizeva* [Works and Days. In Memory of V.E. Khalizev]. Moscow, 2017, pp. 77–81. (In Russian).

(Monographs)

9. Khalizev V.E. *Tsennostnye orientatsii russkoy klassiki* [Value System of Russian Classics]. Moscow, 2005. (In Russian).

10. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow, 1999. (In Russian).

11. Khalizev V.E., Kholikov A.A., Nikandrova O.V. *Russkoe akademicheskoe literaturovedenie: Istoriya i metodologiya (1900–1960-e gody)* [The Handbook of Russian Academic Literary Criticism. History and Methodology (1900–1960)]. Moscow; Saint-Petersburg, 2015. (In Russian).

12. Meletinskiy E.M. *O literaturnykh arkhetipakh* [On Literary Archetypes]. Moscow, 1994. (In Russian).

13. Tyupa V.I. *Literatura i mental'nost'* [Literature and Mentality]. Moscow, 2008. (In Russian).

Филатов Антон Владимирович, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Аспирант кафедры теории литературы филологического факультета. Научные интересы: теория литературы, литература и поэзия начала XX в., акмеизм, аксиология, мифопоэтика.

E-mail: fil201292@yandex.ru

Filatov Anton V., Lomonosov Moscow State University.

Post-graduate student at the Department of Theory of Literature, Philological Faculty. Research interests: theory of literature, literature and poetry of the early 20th century, acmeism, axiology, mythopoetics.

E-mail: fil201292@yandex.ru.

Нарратология
Narratology Studies

Г.А. Жиличева (Новосибирск)
ORCID ID: 0000-0001-5048-0426

НАРРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАВЕЛОГОВ И. ИЛЬФА, ЕВГ. ПЕТРОВА
(записные книжки, «Одноэтажная Америка»)

DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00012

Аннотация. В статье на материале путевых заметок И. Ильфа, Евг. Петрова и книги «Одноэтажная Америка» выявляются повествовательные особенности травелога. Путевые заметки рассматриваются в контексте художественного творчества соавторов. Фрагменты записных книжек понимаются как «протонарративы», обладающие сюжетогенным потенциалом, который может быть развернут в произведения разных жанров: очерк, фельетон, роман. Заметки демонстрируют разные стадии речевой презентации нарратива. В тексте присутствуют недооформленные фрагменты, выполняющие роль «знаков памяти», которые автор может впоследствии расшифровать, обнаруживаются законченные фразы и эпизоды, которые будут включены в литературные произведения без изменений. Кроме того, заметки Ильфа часто выглядят как списки, перечни событий. В результате анализа обнаруживаются несколько конструктивных аспектов нарратива путешествия. Во-первых, травелоги оформляются с помощью «мы-повествования», авторское «я» заменяется «коллективной» повествовательной инстанцией. Во-вторых, в соответствии с общемодернистской тенденцией, путешествие сопоставляется с чтением, локус воспринимается сквозь призму литературных ассоциаций, Америка, в частности, сравнивается с романом. В-третьих, соавторы (особенно Ильф, увлеченный искусством фотографии) используют приемы киноязыка: ассоциативный монтаж, сочетание общих и крупных планов, смена ракурса. Визуальная насыщенность эпизодов позволяет уподобить реальность набору кадров, создание травелога уравнивается с фотографической и кинематографической фиксацией посещаемого пространства.

Ключевые слова: наррация; нарратив; записная книжка; травелог; И. Ильф, Евг. Петров.

G. Zhilicheva (Novosibirsk)
ORCID ID: 0000-0001-5048-0426

Features of the Narrative in Ilf and Petrov's Travelogues (Notebooks and "Little Golden America")

DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00012

Abstract. This paper is devoted to the analysis of the narrative features of travelogue as a genre based on Ilya Ilf and Eugene Petrov's *Little Golden America* and their